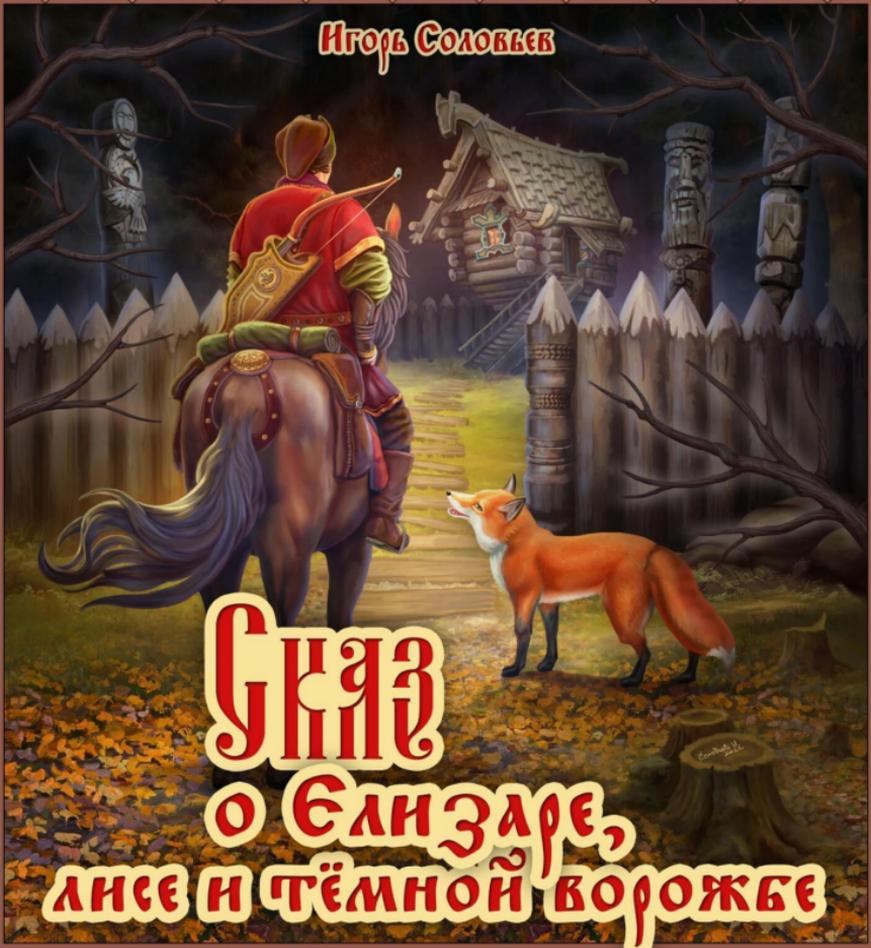

Игорь Соловьев

Сказ
о Близаре,
лисе и тёмной ворожке

Теремок

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Игорь Соловьев
Сказ о Елизаре, лисе
и тёмной ворожбе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68503261

SelfPub; 2022

Аннотация

История о добром сердце, чувстве долга и смекалке. Читателя ждут не дождутся: загадочные обстоятельства, волшебные существа и таинственная ворожба. Текст подан в стиле русской народной сказки и приправлен стихами и песнями авторского сочинения. Приятного чтения!

Игорь Соловьев

Сказ о Елизаре, лисе и тёмной ворожбе

— Расскажу я вам сказ о заморском диве, коне волшебном, у коего изо лба кручёной пикой рог торчит...

– То и вправду диво! Конь однорогий, даром что заморский! А знаешь ли ты какой сказ о нашем звере? Чтобы и обыкновенный, да волшебный, чтобы по русской земле бегал, да чудеса совершал?

– Хе, это про какого же зверя вы послушать хотите, коли заморский вам не люб? Про медведя, волка, али может про лису?

– Да вот хотя бы про лису? Знаешь ли?

– А что? Знаю и про лису. Но наказ! — Слушайте, да более не перебивайте! Итак, было это давным-давно. Не в стольном граде, не в посаде, а в селе дощатом, землёю богатым...

– Звал ли, батюшка?

– Звал, Елизар. Садись сын, киселя откушай да отца послушай. Год, как ты знаешь, выдался тёплым, земляца добрые всходы дала. Рожь да пшено собрали, обмолотили. Да вот нынче пришла беда откуда не ждали. Неведома болезнь

зерно точит; любой ларь открой, смрадом тянет. Боюсь, по весне нечего в землю кинуть будет, ни на посев, ни на прокорм ничего не останется.

– Слышал я о той напасти, батюшка. Нового урожая ждать неоткуда, осень ветками в окна скребёт. Разве что поехать на торжок, в стольный град, да всем миром деньгóй скинувшись, новых зёрен купить?

– А это, Елизар, вторая беда. Нет более денег в нашем селе, все до полушки в этот год вложены. Понадеялись мы, что урожай с троицей их вернёт. Но зерно порченное теперь не продать, а значит придётся вместо денег в долг взятых, имуществом да земельными наделами ответ держать.

– Неужто отец, ничего поделать нельзя?

– Есть у меня одна надежда. Надобно ведущего человека сыскать, кто бы причину хвори открыл, да научил с нею бороться. Может и сладится собранный урожай спасти? Ну а коли нет, так значит горе это со всем мужеством примем.

– Где же нам такого человека взять? Маланья-травница уж год как померла, так приемника и не воспитав. А других свéдущих в природном деле никого на сотни вёрст нету.

– Вот за тем я тебя и позвал, Елизар. Ходила когда-то молва, что за Кривым Бором жил мудрый человек. В зверях и птицах знал толк, в воде и травах разумение имел. Но уж много зим минуло, как нет о нём вестей. Я и сам был несмышлёнышем, когда такой сказ слышал, да и тогда уж не баяли ни каков он обликом, ни какого роду-племени.

– Прости меня, отче, но там ли он нынче? Жив ли? – удивился Елизар. – Места за Кривым Бором глухие, до них ещё добраться надо. А уж как доберусь, где мне его найти? И спросить не у кого, не живут там люди.

– Всё так, Елизарушка, да нет у меня более мыслей как из беды выпутаться. Сыскать этого человека надобно во чтобы то ни стало. Может дал бы он нам средство, или на худой конец совет, как собранное зерно спасти? Кабы не старость моя, не хромота, сам бы не преминул поехать; тотчас бы коня оседлал! Веришь ли, сын мой единственный?

– Верю, батюшка. Ну коли так, и на то твоя отцова воля, поеду.

Собрал Елизар припас немудрёный; взял лубок с порченным зерном, оседлал коня да и отправился в путь-дорогу. День за днём ехал он дикими местами, ночевал в поле, а поутру вновь коня седлал. Добрался наконец до Кривого Бора, где лес густой кронами небо подпирает. Но сколько не плутал он, никакого следа жилья человеческого найти не мог. Уж и припасы стали подходить к концу, и конь устал, а дело с места не сдвинулось. И вот однажды, слышит Елизар, в стороне от лесной тропы будто плачет кто-то. Удивился мблodeц, с коня спешил, да на звук пошёл. Смотрит: в земле яма глубокая, корнями огромной сосны выверченная. А в яме лисица тоскует. Дожди края ямы размыли; стены скользкие, никак зверю из ловушки не выбраться.

Пожалел Елизар плутовку рыжую. Срубил веток подлиннее, да погуще и в яму на манер лестницы опустил. Лиса зевать не стала, вмиг по ним наверх вылезла. Глазами зелёными сверкнула, хвостом вильнула, да вдруг по-человечьи заговорила:

– Доброе у тебя сердце, путник. Чем мне отблагодарить тебя за своё спасение? Спрашивай, да не робей, я зверь хоть и простой, да самую малость волшебный.

– Вот так бль-небылица, говорящая лисица! – поразился Елизар, – Никогда о таком диве не слыхивал. Но коли так, вот тебе моя просьба. Сможешь ли ты мор унять, который наш урожай точит, да людям голодной смертью грозит? Или может быть знаешь где клад с монетами зарыт, дабы на торгу зерна купить?

Лиса улыбнулась, головой затрясла:

– Разве я травница, чтобы колосьяны́е зерна лечить? Али княжна, чтобы тебя, путник, деньгами одарить? Волшебство мое в смекалке, наблюдательности и разумении человеческого языка, ими и пользуйся.

– Что ж, коли так сослужи ты мне другую службу: укажи путь-дорогу к мудрому человеку, что когда-то жил здесь, за Кривым Бором. Баяли люди, что он отшельник, в травническом деле мастер. Знаешь ли ты где такой живёт?

– О том я ведаю. Отведу тебя туда, куда просишь, но получишь ли ты там помощь, обещать не могу. Одно скажу, будь с тем человеком вежлив, но настойчив; и тогда, может

быть, и живым уйдёшь и желаемое получишь.

И повела лиса Елизара сокровенными звериными тропами. Рыжий хвост ее среди леса мелькал, дорогу указывая. Долго ли, коротко ли они так шли, но едва закатное солнце позолотило верхушки деревьев, вывела лиса Елизара к поляне. На ней частоколом обрамленная, будто птица на насесте нахохлившись, торчит древняя избёнка, серой дранкой крытая. К крылечку деревянная лесенка стелется, стены дома мхом поросли, а в оконце как будто свет горит.

Тут лиса остановилась, лапой на избу махнула, да сказала напоследок:

– Далее я с тобой не пойду, тебе дело поручено, тебе и речь держать. Но и меня не выдавай: провожатый здесь всё одно что гость незваный. У тебя-то нужда, а моё дело – сторона. Помни лишь о том что молвила: чтобы не случилось, будь вежлив, и от просьбы своей не отступайся!

На прощание хвостом пушистым махнула и была такова.

Расседлал Елизар коня, привязал к столбу да поднялся на крылечко. Дверь отворил и шапку сняв, шагнул через порог. Как внутри оказался, так сердце у него и упало. Видит Елизар: в доме возле давно небелёной печи старуха стоит. С плеч копна седых волос сыпется, да таких густых, словно грива конская. Нос крючком, голова торчком, глаза вострые, как наконечники железных стрел. Руки у старухи длинные, пальцы узловатые, сильные, а когти на них – степной коршун позавидует. Держит старуха в руках помелё; рукоять от

древности да работы тёмная, словно сталь блестит, на конце можжевельным веником топорщится. Смекнул парень, что перед ним не иначе, как сама баба Яга, лесная ведьма! Вон и ступа в углу, вязью неведомых знаков украшенная, а уж трав, грибов да кореньев сушёных без числа по избе развешано. И вот диво: лучина на столе в светец воткнута; горит, да не прогорает!

– Мир дому сему, хозяйка. Будь здрава! – поклонился Елизар.

– И тебе не хворать, человек прохожий, – глубоким тяжёлым голосом отвечала старуха, – Чего тебе в моей глуши надобно?

– Беда случилась в нашем селе, неведома хворь взятый урожай точит. Ищу я мудрого человека, что в травах и природных болезнях толк знает. Привела меня тропинка сюда. Ты ли тот человек, скажи, бабушка?

– А хоть бы и я, да что с того? До ваших бед мне дела нет, оторви и выброси. Но чую я, будто ты утаил что-то. Тропинка, сказываешь, привела? Она ведь чужих не привечает, темнишь ты, молодец. Сказывай, кто помог? Смотри, коли соврёшь, отведаю я сегодня человеческого мяса. – с теми словами бросила старуха помело, достала кривой железный нож, да точить начала.

– Права ты, хозяйюшка. Был у меня помощник, но какой не скажу, не серчай за это. Коли будет его воля, так он сам о себе поведает.

– Ну как знаешь, пытаться о том не буду. Довольно и того, что ты сам передо мной. Парень ты как я вижу ладный, не тощий, сварю из тебя студень, на две седмицы хватит. – говорит Яга; а сама нож точит, аж искры летят. В очи при том Елизару смотрит, взгляд не отводит.

Елизара же тем не пронять, он знай гнёт своё:

– На то твоя воля, хозяйюшка. А позволь, пока ты нож наточишь, да печь растопишь, я тебя загадками развлеку?

– А что ж? Изволь. Пока суть да дело, займи старуху. Я давно загадок не слушала. Только вряд ли ты, молодец сможешь меня удивить, я почитай на всё отгад знаю, а чего не ведаю, то домыслю.

– Ну смотри бабушка, ежели хоть одну загадку не разгадаешь, то обещаю, что просьбу от нашего села выслушаешь?

– Только-то? И живота не просишь, лишь за порученное дело хлопчешь? Ну быть посему, выслушать дело не хитрое, начинай.

– Слушай же мою первую загадку. Жёлтое, да не золото, горячее, да не солнце, на огне их ткут, пальцами мнут. Что же это?

Задумалась старуха. Нож точить перестала, полный круг по избе обошла. Руки в бока упёрла, взглядом вострым Елизара пронзила. Потом усмехнулась и молвила:

– То блины! Горячие, с пылу с жару, золотистые!

– Верно, бабушка! Быстро же ты догадалась. Вторая будет посложнее. Слушай мою вторую загадку. Пышная гора,

снаружи румяна, изнутри светла. В недрах по зелёному лугу белые овцы идут, коли есть не хотел, голод тут как тут.

Старуха нож вовсе отложила, в волосах поскребла, и так и эдак прикидывала. Долго думала, дважды избу шагами промеряла, да потом взгляд её на печь упал.

– Так то – пирог с капустой и яйцом!

– И сызнава угадала, бабушка!

– Просты твои загадки, молодец. Ничем меня не удивил. Давай последнюю.

Теперь уж Елизар задумался, чтобы ей такого загадать, чтобы старуха не отгадала? Да как на зло, ничего путного в голову не приходит. И уж отчаявшись, загадал первую попавшуюся, самую лёгкую, которую и дитё знает.

– Вот тебе третья загадка. Было пусто, стало густо, пьешь, как вода, а в животе – еда.

И тут старуха впросак попала. Долго думала, лоб хмурила, в нетерпении всю избу по три раза обошла. Так и не придумала.

– Нет у меня ответа, что загадал-то?

– Так это же кисель, бабушка! Его и готовить то почти не надо, а выпьешь, так словно поёмши.

– А ведь верно! Сотню лет я киселя не варила, потому и забыла. Да ты хитрец, всё мне какие загадки загадывал: я уж тебя есть передумала, захотелось мне блинов с киселём да пирогами! Вот сейчас тесто и поставлю. Твоё счастье, считай заново родился!

– А как же просьбу выслушать?

– Помню о том, мил-человек, сказывай.

И Елизар подробно поведал ей о своей беде, лубок с зёрнами порченными показал. Стало старухе любопытно; и так и эдак зерна в руках крутила, на свет смотрела, крючковатым носом нюхала. Взяла Яга с полки пустую крынку, намешала туда сушёных трав, зелёной водицы плеснула, а напоследок порченые зерна высыпала. Посмотрела на поднимающийся дымок, языком поцокала.

– Вот что, молодец. Заинтересовал ты меня своей печалью. И природу ваших бед я поняла. Но уговор был только выслушать, помогать же я тебе не буду. Обидели меня люди, давно уж, а прощения для вашего рода все одно – нет. Уходи, живым отпускаю, так уж и быть.

– Не могу я уйти, бабушка, воли отцовской не исполнив. Хотите, браните меня, али ешьте, вот он я весь перед вами. Но прежде помощь окажите, иных надежд у нас нет.

Рассердилась старуха, ухватила помело, да чуть Елизара по голове им не пригубила.

– Поди прочь пока не передумала! Ведь и вправду съем, кости воронам скормлю, коли за порог тотчас же не выскочишь!

Сделалась старуха будто выше, глаза её почернели, смертью в избе дунуло, сырым могильным запахом повеяло. Но не отступился Елизар, накрепко помнил завет лисы. Лишь склонил голову покорно, да сказал мягко:

– Будь на то моя воля, не посмел бы тебе перечить, бабушка. Но я держу ответ за всех наших людей, от мала до велика. Прости обиды старые. Хочешь, службу тебе любую сослужу, помоги только от беды избавиться.

Взглянула на него старуха пытливо, остыла, да задумалась.

– Будь по-твоему. Есть у меня для тебя одна служба. Справишься, тогда так и быть, помогу. Недалече отсюда есть лесное озеро. Живёт там русалка, ночами напролёт песни поёт. Да так скверно, что я уже год уснуть не могу, лишь на печи ворочаюсь. Избавься от проклятой, тогда и поговорим.

Вышел Елизар из избы, пот со лба утёр, шапку надел. Делать нечего, знать придётся ему теперь старухины беды разбирать. Потрепал своего коня по гриве, да отвязывать не стал, озеро-то по словам Яги рядом было. Нашёл тропинку, да по ней напрямиком и отправился. Часа не прошло, как свечерело. Кругом ни единой птицы не слышно, лишь ветер деревьями скрипит, да сердито кусты качает. Но понял Елизар, что не один идёт, нет-нет, да порой рыжий мех меж могучих стволов мелькает. Значит не ушла лиса, рядом где-то обретается.

Холодно лесное озеро, ни комаров ни лягушек не слышно, всех ранняя осень прибрала. Сел Елизар в сухую траву, принялся ждать. Едва показался на небе молодой месяц, как всколыхнулась чёрная гладь воды и на торчащий из воды камень выбралась девица. Волосы зелёные, глаза тёмные, а ко-

жа белая, будто снег. До пояса человек, а ниже рыбий хвост торчит. Ударила она хвостом по воде три раза, потянулась, а потом завела неведомую песню:

*Ой да море-океан, дали синие,
Принесите моряка, в ночку длинную.
Словно мужа, одарю его ласкою,
Околдую, оплету тиной-ряскою.
Можно рыжего, с ютлэндского острова,
Можно грека, разодетого – пёстрога,
Мне любого, хоть бы балта, хоть русского,
Аль весёлого, али грустного...*

Русалка выводила песню громко, но не мелодично; голос у неё отчего-то был хриплым, словно ворон каркал. Порой девица с мотива сбивалась, слова не дотягивала. Понял Елизар, отчего Яге это пение не нравились. Нелегко было такое целый год выдержать. Поднялся парень из травы, да к озеру пошёл. Увидала его русалка, песню прекратила, во все глаза уставилась.

– Вот так гость ко мне пожаловал! Давно я жду доброго мóлодца, давно одна тоскую. Уж и не чаяла, что человек в такую глушь забредёт. Будет у нас сегодня веселье!

Поклонился ей Елизар, да вымолвил:

– Здравствуй рыба-дéвица! Поклон тебе от Яги, да просьба. Не дают ей твои песни спать-потчевать, не могла бы ты её возраст уважив потише петь?

Рассмеялась русалка, ладонями по хвосту ударила:

– Что мне Яга? Не нравятся ей мои песни, так и пускай! Она лишь на земле хозяйка, а в воде у меня своя воля. Завидует она моей красоте и молодости, оттого и ворчит. То – пустое. Подойди лучше ко мне поближе, дай я на тебя полюбуюсь!

Знал Елизар, что русалки только того и ждут, чтобы человека к воде подманить, да ко дну уволочь, поэтому держался поодаль.

– Любуйся девица, но ближе я и шага не ступлю, наслышан о коварстве вашего племени.

– Да никак ты трусишь, богатырь? Что ж, давай я тебе для храбрости особенную песню исполню.

И запела русалка на иной лад, совсем другим голосом, куда только её хрипота делась?

*Черна вода, уста красивы,
Глаза, как звезды холодны,
Ступай навстречу молчаливо,
Вся жизнь былая – только сны.
Отныне, прошлое в пучине,
Нет больше хлопот и забот,
Теперь лишь я твоя княгиня,
И темень волн – твой небосвод.*

Елизар, колдовством очарованный, сперва в оцепенение впал, а потом шагнул было прямо в воду. Но тут раздался лисий лай и морок развеялся. То рыжая подруга, следившая с берега за Елизаром, разогнала русалочки чары. Очнулся

Елизар, едва успел из воды выпрыгнутьь.

– Врёшь, девица, напрасно силы тратишь, так мы с тобой вовек не столкнемся!

Русалка лишь головой тряхнула, да посмеялась:

– Да о чем нам с тобой толковать? Мне морское, тебе – мирское. Иди своей дорогой молодец, а я буду дальше петь. Хочешь слушай, хочешь нет, вольному воля. – и затянула хриплым голосом новую песню:

Во хмелью ли я была, али юная,

Не гадая полюбила, не думая.

И не ног, не лаптей не жалела я,

К рыбачку на свидания бегала.

Ой ты невод, да сети рыбацкие,

Молодая удаль парня, кабацкая.

Вы опутали мысли все девицьи,

Ключ нашли вы к сердечку, умеючи...

Понял Елизар, что упряма русалка. Да, пожалуй в этом не уступит она самой Яге. "Что ж, супротив твоего упрямства будет тебе моё терпение!" – подумал парень. Сел поодаль, да быстро сладив дудочку из сухого камыша стал девице мелодию подыгрывать. А та бровью не ведёт, знай себе дальше поёт:

Дни идут, ни кольца, ни признания,

Уж с другой вечерял на свиданиях.

В омут бросилась я, там и сгинула,

А ему хоть бы что, нерадивому.

*И теперь в чешую обличенная,
Хочу встретить его, непрощенного.
Увлеку за собой в тьму глубинную,
Чтоб вспомнил девицу невинную.
Ой ты невод, да сети рыбацкие,
Молодая удаль парня, кабацкая.
Берегитесь теперь моря синего,
У русалок хвосты, дюже длинные...
Замолчала девица, умолкла и дудочка.*

– Чего же ты хочешь за своё молчание? Может я тебе чем помочь смогу? – не отступался Елизар. – Слышу по песням твоим, будто бы о море-океане грустишь; али тесно тебе в здешних водах?

Фыркнула русалка, начала гребнем волосы расчёсывать.

– Да кабы это были воды? Так, водяной шутя наплакал. Но прав ты, молодец, одиноко мне в лесном озере. А покинуть не могу, давно уж запруда бобриная выход в реку перекрыла. Оттого речка сперва обмелела, а потом и вовсе высохла. – тут русалка глазами сверкнула, зубы острые жемчужные показала, – хочешь Яге угодить, наказ её исполнить? Будет тебе дело! Расчисти запруду, вода из озера русло наполнит, да меня по большим рекам к морю-океану вынесет. Там и простор и подруги найдутся. Выполнишь сие, тогда и песен моих Яга более не услышит.

Поразмыслил Елизар и согласился. Нашёл запруду старую, принялся за работу. Всю ночь он рубил поваленные де-

ревья, в сторону оттаскивал. До самого рассвета путь расчищал. Едва выглянуло солнце, побежала наконец вода наполняя старое русло. Когда же поток поднялся до половины, в реке мелькнули русалочий хвост, а затем и голова. Донёсья до Елизара счастливый смех и крик девичий: – "Спасибо мóлодец! Не поминай меня лихом и прощай!" – с тем и уплыла девица навсегда.

На берегу нашёл Елизар гребень русалочий, подобрал да к Яге отнёс.

– Вот бабушка, как и обещался, выполнил я свою часть уговора. Доказательством тому гребень девичий, да тишина, в которой тебя более её песни не побеспокоят.

– Ишь ты, пострёл, справился! Ну так и быть помогу я в твоей беде. Слушай же меня внимательно. Урожай ваш сгубила тёмная ворожба. Злой человек наколдовал болезнь, которую ещё можно изгнать. Найди в чистом поле одинокое дерево, но не абы какое, а осину. Срежь три самых низких ветки. Сложи их вместе, словно три пальца, оплети стеблями чертополоха, а посередке вложи молодую бересту. В своём селе выбери перекрёсток, где все главные тропинки-дороги сходятся. На рассвете воткни туда осиновые ветки и произнеси следующие слова:

*Вейся в небе ворон веющий,
Шёпот слушай, лес злоеющий:
Корень-сорень, три перста,
Тьму разгонит – береста.*

*Солнце утром гонит ночь,
Хвори злые – выйдут прочь!*

– И как поднимется ветер, тотчас посыпь перекрёсток сухой полынью. Её я тебе дам, а остальное сам добудешь. Дня не пройдёт, как порча отступит.

Приняв от Яги мешочек с сухой полынью, поклонился Елизар ей в пояс:

– Благодарствую за науку! Не чаял я при первой встрече от тебя добро получить, не вини меня за это. Разное лихо о тебе молвят, да вижу, ошибаются.

Покачала головой Яга, да посмеявшись, ответила:

– Отнеслась я к тебе так, как ты и заслужил; уважение проявив, да терпение. Просьбу мою исполнил, да и русалке помог. Запомни молодец: всякое доброе сердце, само к себе добро привечает! Как ты к другим относишься, так тем и тебя угостят.

– Спасибо за совет и за мудрость, бабушка! Вовек помощи твоей не забуду. И людям накажу, чтобы слов дурных о тебе, Яге, более не сказывали.

– Яге? – старуха усмехнулась, – Ягой-то меня как раз неразумные люди и прозвали. Раньше имя моё было иным, как и прозвище, твоим словам под стать.

– Какое же? Откроешь ли, бабушка?

– Да отчего же не открыть? Прозывали меня "Премудрой". А имя, родителями данное – Василиса. Да только давно это было, теперь уж некому и вспомнить. Но вот тебе на-

последок ещё один мой совет. Людям, о том, что ты ко мне приходил, лучше не сказывай. Они меня не привечают и кабы дурным делом тебе это не обернулось.

Снова поклонился ей Елизар, да теперь уж в ноги. Попрошавшись, вышел из избы. Оседлал коня, да поворотил к родному селу. По дороге отыскал в поле одинокую осину, срезал три нижние ветки, добыл бересту и чертополох.

Вернувшись домой поведал обо всем отцу. А поутру вышел на перекрёсток, да и сделал всё как наказала Яга. Едва прошептал он заветные слова, как поднялся ветер. Высыпал парень сушёную полынь и тотчас понесло её по всему селу. На следующий день хворь с собранного урожая отступила. Что ни зёрнышко – гладкое, крепкое, словно и не было напасти. Обрадовался отец, теперь можно было урожай к князю на торжок везти, там продать, долг отдать, да прибыль подсчитывать.

Но не долго ликовали отец с сыном. Пошёл по селу слух, будто бы Елизар колдун и сам ту беду сперва навёл, а после злоумышления, от неё же и избавил. Чтобы людей утрашить и власть свою показать. Неведомо кто навет пустил, да пришла от князя весть, разбирать это дело прибудет его человек. А до той поры, сидеть Елизару в порубе. Делать нечего, пришлось парню в яму лезть; брёвнами обшитую, да специальной крышкой сверху закрываемой. Темно в яме, свет сквозь решетчатое оконце в люке едва-едва пробивается. Просидел там Елизар три долгих дня, прежде чем его наверх подняли.

Оказалось, приехал наконец княжий человек, будет суд рядить.

– Не кручинься сын, – улучив момент отец встал рядом, – Все ладно складывается. Приехавшего от князя человека я знаю. Звать его Демид, он мой старый знакомый. Именно он мне деньги в долг весной давал, под посев. Урожай спасён, а значит и долг я ему вскорости верну. Не будет он тебе лихой приговор выносить, как есть в деле разберётся и клевету снимет.

Просветлел после таких слов Елизар, выпрямился. Стали его дело разбирать.

Выступили свидетели видевшие, как ранним утром Елизар проводил ворожбу.

– Подтверждаешь ли ты это, Елизар? – строго спросил Демид.

– Подтверждаю. Но то была ворожба светлая, избавляющего от злого колдовства.

– Положим, это так. А тогда видел ли кто своими глазами человека, ранее наводившего тёмное колдовство? – обратившись ко всем, спросил человек князя.

Переглянулись люди, никто этого не видел. Зерно побитое мором все в руках держали, но причины беды не знали.

– А кто ещё в вашем селе, кроме Елизара, владеет ворожбой? Любой, хоть тёмной, хоть светлой?

И такого человека никто назвать не смог. Вспомнили было Маланью-травницу, да та зиму назад как померла.

– Посему выходит, Елизар, что кроме тебя этого сделать просто некому. Так или не так, люди?

Многие Елизара любили, парень он был добрый, но тут сказать было нечего, выходило что так, кроме Елизара больше и некому.

– Да не вмест мне колдовать! – отчаялся парень, – Не обучен я! Давешнею ворожбу мне бабушка Яга присоветовала. И лишь с тем почином, дабы тёмные чары снять. – сказал, да тотчас понял, что не зря Яга ему совет давала о ней помалкивать. Только уж поздно было.

Зашумела толпа, заволновалась. Боялись люди имени Яги, испокон веку недоброе о ней судачили.

– Вот! – огорчённо произнес человек князя, – Теперь понятно, кто тебя с толку сбил и чей это промысел. – Ну а раз ты сам в ведьмином наущении признался, то дело теперь ясное.

Поговорил он о чем-то с мужиками, да и зачитал свой приговор. Решено было именем князя признать Елизара виновным в чёрном колдовстве и придать смерти. Всё зерно отца изъять в княжескую казну, а самого батюшку изгнать из села с позором. В качестве же долга, который тот взял весной у Демида, передать последнему, отцовы дом, имущество и земельные наделы.

Отец Елизара выслушав такой приговор стоял ни жив ни мёртв. А сына, чуть не волком вывшего, вновь в поруб отправили. Казнь назначили на утро.

Ночью, падающий сквозь решётку люка лунный свет загрозила чья-то тень.

– Тут ли ты, добрый молодец? – раздался знакомый голос.

– Здесь лисонька, где же мне ещё быть? – узнал зверя, парень.

– Нехорошо поступили с тобой люди, не по справедливости. А теперь и вовсе погубить хотят. Слышала я, как они давеча судили да рядили про тебя: быть Елизару, дескать, поутру мёртвым. Но ты меня когда-то из ямы вызволил, спасу и я тебя. Сейчас задвижку зубами отмокну, да лестницу тебе спихну. Ты времени не теряй, выбирайся, да беги без оглядки.

– Спасибо тебе лиса, за доброту. Но не могу твоему совету последовать. Я то может и убежал бы, да как отцу быть? За мой побег на нём отыграются, тогда уж не только имущество отберут, но пожалуй что и живота лишат.

– Так бегите вместе, всё одно вам тут жизни не будет.

– Годков ему уж больно много, да и хромой на ногу, вмиг нагонят. Но не в том даже дело, лисонька. Батюшка мой закон пуще жизни чтит. Раз приговор оглашён именем князя, так он то решение смиренно принял. Хоть от щедрот – рубаху, хоть – голову на плаху.

– Ну и зря. Сие очень даже неразумно. – проворчала лиса.

– Кабы ты не была зверем, так понимала бы, что без закона жить никак нельзя. Не будет без него ни мира, ни порядка.

Князь – он, всему голова.

– Не про то я тебе толкую, – пожурила Елизара лисица. – Князя тут нет, а от его имени закон толкует человек, сам чёрное колдовство и сотворивший!

– О чем это ты, рыжая? – удивился парень.

– Порчу на ваш урожай навёл тот, кто тебя сегодня судил. Мне о том поведала здешняя кума, видевшая как он две седмицы назад на старом капище возле вашего села, колдовал. Мы вдвоём тайком ваш суд смотрели, она его и признала.

– Что ж она сама не пришла и о том не сказала? – вскочил поражённый Елизар.

– Так по-человечьи только я говорю, в ней волшебства нету. Но мне ли людям открыться? Нет уж, изволь! Нет им веры, они вон с тобой как поступили, хоть ты и доброе дело для всех сделал.

– Выходит так, что приму я смерть безвинную, а злодей будет в отцовском доме жить? И рассказать некому, все одно не поверят мне.

– Может так, а может и по-другому выйти, – задумалась лисица. – Ты вот что сделай. Завтра, как поведут тебя всем селом на казнь, попроси о последнем желании. Хочешь, дескать, сам место выбрать, где смерть принять. Нужно чтобы отвели тебя в старую дубраву, что напротив мельницы раскинулась. Там-то капище и находится. В центре него стоит порченная деревянная колода, в ней костяной нож торчит. Через него колдовство и совершалось. Если кто иной, кроме

колдуна, тот нож вытащит, то тёмная сила из злодея выходит начнёт. Будет он от того кричать, да корёжиться. Люди это увидят и сразу смекнут кто за дурное дело в ответе.

– Отчего же он сам ножа до сих пор не забрал? – удивился Елизар.

– Срок чародейству ещё не вышел. Не с руки ему то делать, пока в небе молодой месяц, новец, в силе. Иначе в следующий раз колдун нескоро поворожит. Разве что страх или нужда заставят; тогда уж презрев запреты лиходея нож таки выдернет. Силы-то всё одно потом вернутся, пусть и дюже долго ждать придётся. Так что гляди! Не дай ему ножа самому забрать! Иначе он, хитрый змей выкрутится, а ты в могилу ляжешь. А чтобы Демид не догадался, да дело не сорвал, не открывайся сразу, будто про дубраву да капище ведаешь. Покружи людей у села, место выбирая. А как им надоест, веди куда я и сказала, если колдун спохватится, так уж поздно будет.

На рассвете собрались люди, да стали казнь готовить. Не веселы были их лица, сомнения мучили. Но Демид увещевал их, что и сам не рад, но сие есть приговор князя, да по заслугам – виноватому. Выкатили плаху, топор наточили. Тут Елизар и говорит:

– Люди дорогие, народ честной, не откажите мне в последнем желании. Не хочу я своей кровью село омрачать, дозвольте самому место казни выбрать?

Пошумел народ, но просьбу уважил. Всея гурьбой повели Елизара место искать. Вышли к березняку. Спрашивает Демид:

– Любо ли тебе это место, парень?

Елизар ему отвечает:

– Тут светлѡ и белѡ, до того хорошо, что пуще прежнего жить хочется. Жалко даже помирать, нет, давайте ещё искать!

Пошли они дальше окрест села, встали в мрачном ельнике. Демид снова спрашивает:

– Может это место тебе любо, парень?

Елизар осмотрелся придирчиво, и говорит:

– Тут темно и тоскливо, я бы и при жизни гулять здесь не стал. А уж умирать в таком мрачном месте и подавно не хочется. Нет, давайте ещё искать!

В третий раз они пошли место выбирать; уже утомились все, солнце за полдень перевалило. Тут-то Елизар и воскликнул: – Вот, смотрите! В той дубраве мне любо смерть принять. Не светло и не темно, в самый раз будет. – и указал на дубы росшие напротив мельницы.

Демид, дубраву узнав, вскинулся было, что место не подходящее, да народ к тому часу притомившийся, зашумел, – Хватит-де землю понапрасну топтать, быть посему!

Пришли они в дубраву окружавшую старое капище. Видят, посреди замшелых камней гнилая колода стоит, а в ней костяной нож торчит.

– Гляньте люди добрые, – крикнул Елизар, – Не спроста это! Было тут тёмное колдовство, не иначе как именно оно на нас было пущено.

Согласились люди: – Знамо дело, такой нож, да в такой колоде, не для добрых дел воткнут, – признали они колдовскую примету.

– Да не ты ли сам его и воткнул, покуда ворожил? – подал голос Демид. – Дай-ка я его выну, да осмотрю, будет что князю в качестве доказательства отправить.

– Постой! – дёрнулся было Елизар, да двое молодцов его за руки накрепко ухватили, – Нож то чародейский, им же и оставленный! Коли нож вынет кто иной, так из колдуна злая сила выходить будет. Ежели он среди нас, мы это увидим. А вот если сам колдун вытащит, то не увидим ничего, всё по его умыслу произойдёт. Дайте же мне нож вытащить; коли я колдун, так ничего не случится, тогда ваша правда, казнь заслуживаю. А коли не я, так вытащу и увидим чьих рук это дело.

Демид глянул на него недобро, да с улыбкою вымолвил:

– А может этот нож самый обыкновенный? И ты нас нарочно запутать хочешь, время тянешь? Дайте-ка я на него поближе взгляну...

И пользуясь общим замешательством Демид шагнул к колоде, чтоб упредив желающих самому нож поскорее вынуть. Но тут из-под смородинового куста ему лиса под ноги бросилась. Всполохом рыжим вонзилась, в сапогах его запуталась;

Демид на ногах и не устоял, наземь рухнул.

Отец Елизара, до того в стороне уже сына оплакивающий, смекнул что-то, да сам к колоде подскочил: — Я выну, а там и поглядим! — и с этими словами дёрнул костяную рукоятку так, что только щепки полетели.

Грянуло громом, едко серой запахло. Закричал княжий человек страшным голосом, завыл, закружился. Увидели люди, как из его кафтана чёрный дым повалил. Только к Демиду кинулись, глядь, а колдун уже гадюкой обратился и в траву жухлую скользнул. Так и удрал бы злодей, да тут снова лиса себя показала. Бросилась вдогонку, вмиг настигла, к земле лапами прижала, да зубами в клочки разорвала.

Поняли люди, что Елизар-то невиновным был. Бросили за руки держать, да всем миром повинились перед парнем и отцом его, как на духу. А в кафтане злодея грамоты нашли, что свет на загадку пролил. По ним выходило, будто Демид давно хотел к рукам наделы Елизарового отца прибрать, да дом в придачу. Надеялся большого прибытку с их продажи получить. Уже и купцов нашёл, с коими о цене договорился. О том, в тех самых грамотах было подробно изложено. Демиду осталось одно дело, пустить Елизарового батюшку по миру. Посулил ему Демид на грядущем торгу сказочный приработок. Под весенний сев денег в долг дал, а потом сделал так, чтобы отец того долга выплатить никак не смог. Потравил тёмной ворожкой весь урожай. Кабы Елизар не нашёл средства мор унять, всё так бы и вышло. Но и тут Демид вывер-

нулся: слухи дурные о парне распустил, будто тот колдует; а сам у князя, как его дворовый человек, это дело судить вызвался. И не будь лисы, скверно бы всё кончилось. Так князю и отписали, как дело было; уличительными грамотами с колдовскими ножом, сопроводив. Князь же оказался справедлив: все обвинения снял, да наказал Елизару и его отцу жить как раньше, бед не зная. А для утешения и прибытку повелел взятый ими у Демида долг считать исполненным.

Отец Елизара на радостях, да с достатку поставил в селе терем расписной. И всю неделю народ честной привечал угощением. Гости в тот терем-теремок шли гурьбой и с большой охотою. Угощались досыта: блинами печёными, яблоками мочёными, караваями, пирогами, да расстегаями. Блины ели, квасом запивали, да хозяев щедрых нахваливали. И лиса там была, мёд пила, да хвостом под столом, от удовольствия подмахивала.

– Тут и сказке конец, а кто слушал, да кушал, молодец!

– Хороша лиса волшебная, да всё ли в жизни так ладно складывается, как в сказке сказывается?

– А то от самого человека зависит. Как доведётся побывать вам в тереме, да покушать блинов с киселём, вспомните слова бабушки Яги, — всякое доброе сердце само к себе добро привечает!